

Черновики, часть вторая.

Гули, гули, говорите
Обо мне тяжёлый мёд
Гули, гули, разыщите
Белый хлопковый платок
Гули, гули, полетите
И узнайте наперёд
Как, когда из жизни выйти
И за что мне пара роз
Гули, гули, с рук возьмите
Многоточие души
И по крохам отберите
Веры, правды и любви
Гули, гули, всё узнайте
Проворчите под окном
Гули, гули, засыпайте
Окаянно тяжким сном.

Покруче пальцевой козы,
Покруче джипов и ноутбуков,
Покруче чёрной полосы
И в тишине разящих стуков,
Покруче выстрелов в ночи,
Судьбы жестоких предсказаний,
Покруче спирта, анаши,
Красавицы моей лобзаний,
Покруче камня и яйца,
Покруче мыла и верёвки,
Во сне знакомого лица,
Брейк-данса, твиста, рок-эн-ролла
Встаёт цветком моя звезда
В глазах людей, в меня глядящих,
Таких смешных и настоящих
Да недоверчивых к словам,
Встаёт и пьёт свою красу
И не бичуется расплатой,
Одна среди большого сада
Живёт в задумчивом лесу.

Прощание.

Есть у любви моей желание такое:
Неспешно жить, прощаясь с красотой
Бессовесно истерзанного горя,
Прощаться медленно с тобой.
Ведь не порвать мне уз людских навеки,
Когда ты взор ласкаешь день за днём.
Тебя не видеть- время, время, время-
Вот исцеление от жалости моё.
Цепляет дело общее, и солнцем
Встаёшь преградой к поражению тоски
Да бьёшь в глаза улыбкою коронной.
А те, как лучшие рабы,
Готовы каждый миг с сознанием расстаться
И сердцу петь ламбаду до утра...
Ах, как порою хочется стреляться,
Чтоб не касаться гнусного вчера!
Тебе ж не надоест играть собою
И, за одно, другими, несмотря,
Что после остаётся много крови
От наважденья брошенных ребят.

Да, это было, было, было,
Когда не стыло над рекой,
Когда гуляло и любило
И приходило в отчий дом.
Ах, это было безнадёжно.
Желанье пило день за днём,
Любовью мелко моросило,
Под зиму превращаясь в ком.
Пилило, жаждело, грустило
И снова жаждело любви.
Бесприкословно, ровно, мило
Дарило мысли и мечты.
И до сих пор жуёт и плачет,
Целует нежно под углом,
Не занимается удачей,
А по груди секундно бьёт.
Да, это было, было, было...

Вот тебе мои забавы,
Как весенние парады,
Разобьют улыбки в полночь
И растают в темноте.
Вот тебе мои награды
На ступенях толи ада,
Толи просто оживленья
От желания беречь.
Вот тебе немного боли
От утраченной любви,
Полоскали душу кровью
И прожрали все мозги.
Вот тебе моя свобода,
От красавца до уroda,
Наплевала в чувства содой
Оскорблённой доброты.
Вот тебе и я в подарок.
Жизнь, как водится, насмарку,
И кому же было надо
Дни рожденья заводить.

Пылают в небе города
И кровь сбивается от скуки.
Я утаил тебя в снегах,
А белый таял от разлуки,
Оставив влагу, и мороз,
И звон в ушах от наважденья.
Не берегу тебя, ну что ж,
Любовь потребует прощенья.
Другой же ливнем защитит,
Смывая нежности веселье.
А мой же препечальный стих
Окрутит резанное время.
И отойдёт в твои глаза,
Мне облаком раскатным станет,
Но разное замрёт в сердцах,
Убив навязанную память.

И упасть в забытьи.
Разбросать все вопросы,
Утопить этот мир,
Замочить папиросы.
И упасть. Два часа.
Потаённое время.
Просветлеет гроза
И прольются капли.
Головы не сносить...
Как тяжёлая сила...
Стаи слов завалить,
Чтоб душа моросила.
Наточить пустоту,
Заработать преграду,
Расплескать доброту,
Уложить всё как надо
И упасть в забытьи.

В тёмном сквере под грохот трамвая,
В тишине проходившего мимо,
Падал дождь, по стволам напевая
О тебе песню древнего мира.
Строчка- свет, два движенья - и в россыпь,
Наизнанку валила деревья.
Что за пьяное лето в горошек-
Красной пастой по белому небу?
Я опять ни при чём да в полёте,
Только вниз или вверх - как поставить.
Землю в грязь простодушные ноты
Продолжали с терпением плавить.
Воздух чист, что не скажешь о солнце.
Треском звёзд незащитые раны.
По мозгам фиолетовый дождик
Напевал то, что знали мы сами.

А коль угодно, сделай всё сама.
Здесь нет причин, чтобы кидаться властью.
В руке кулак и с кровью голова,
И что ни жизнь, то не дорога к счастью.
Умри любовь, и чёрные лета
Пусть облаками праздничными станут,
И вальс свободы грянет на костях,
И разольётся в длинные канавы.
Сожги, сожги и закопай в земле.
Два метра - это мало для убийцы,
Который насочил тебе и мне
Сплошные навороченные лица.
Не бей креста, ведь нет его на ней,
Таблички, даты не печатай словом,
Ведь страсти не придумаешь глупей,
Чем радость возвращаться в это снова.
Прошу быстрее, пока жива печаль,
Пока надежда силы не затмила,
Бросай её, с желанием бросай,
Как и она тебя однажды утопила
В своих глазах, но не в моих уволь.
Зелёный холм и чистые проклятья.
Нет преступления, как гласит закон,
Которое не знает наказания.

Похоже я любил негоже
И ложно, стало быть заложно,
Я опускался вверх, но крыльев не поднять
Возможно, было всё ничтожно,
Но я любил в сомнении не кожей,
А взглядом, слухом, да, вообще, наплевать
Как можно, дышать и думать, что же
Я был другим, не больше,
И стало только горше,
Нисколько не моложе
С твоей не грозно- сложно.
Да, вообще, наплевать.

Ты посмотри, как славу ждут,
Забыв любовь на пьедестале,
Как от бессмертия умрут
Глаза из одурневшей стали.
Как голос с выдохом хрипит,
Деревья от печали сохнут.
Ты посмотри, уже остыл
Замок домашнего порога.
И гонят, гонят во всю прыть,
Сминая жизни и свободу.
Овации, портреты. Сил
Нет больше думать о народе.
Ты посмотри, как слабость ждёт
И зло напыщено страстями.
Ты посмотри, что твой черёд
Решать уже не за горами.
Ты посмотри, как гибнет цвет,
Теряя краску в ожерелье.
Ты посмотри, кого здесь нет,
А кто ушёл лишь на мгновенье.

Пора мне уже быть моложе,
Пора мне уже быть храбрей
И чувствовать молодость кожей,
Помимо картин букварей.
Пора говорить с незнакомкой,
Пора целовать и будить
Волос заплетённые стоки
И сердца чудесную нить.
Пора мне дарить не на память,
Пора мне дарить навсегда
Холодные снежные дали
Цветов и морей города.
Пора мне спускаться чуть выше
Своей неиспитой мечты,
Сменить унижение на тыщу
Пятнистых двуглавых "прости".
Пора мне уже быть сильнее
Своих предрассудков креста,
Пора быть ухоженным зверем
Шагающим с временем в такт.

А пусть просто люди.
А пусть просто люди
Расскажут и сделают быстро.
Вольготно залётные числа
Пробьются сквозь стёкла асфальта,
Живущего следом за следом.
А пусть это люди.
А пусть это люди,
Убившие осень за летним прощаньем.
Стена - только камень, а розы, а розы...
Пропали в конверте.
А пусть солнце будет.
А вдруг не забудет
Ревнивая сотня пустых остановок.
Как будто и ветер не колет, не ловит,
В чужие одежды вдувая надежду,
Тонувшую с небом на мокром асфальте.
Так, так, только руки
От полночной скуки
Ломают листки пожирневшей бумаги,
Что больше не может держать от досады
Проклятые строки, вишнёвые соки
На белые ноты.
А там кто-то, кто-то...
А пусть просто люди.

И пусть будет первый раз
До бессмертия хорош,
И пусть сотни светлых глаз
Соскаблят ошибки, что ж,
Первый раз не любит лжи,
Как положено прими,
А потом не повторишь-
Нафига такая жизнь.
Где сжигают лишь одно,
Где по буквам напились,
Где за смертью только дно.
Нафига такая жизнь.

Я сказал ей, что люблю.
И как мелом по земле.
Воздух стал в мгновение пуст
И тяжёл июньский лес.
Выстрел в небе, не звезда
Ворвалась стрелой в дом.
Одурневшая стена
Обливала холодком.
Погоди, не умирай,
Не для молодости тень.
Я пройду вдали, ты знай,
Как проходит этот день.
Это небо без тебя,
Это сердце между крыл.
Если солнцем сгину в ад,
То за то, что так любил.
Ты не любишь - знал, знал, знал,
Ничего я буду жив.
Тишина. Колонный зал.
В темноте читаю вниз.

Просто люди засыпают
В серых склепах белых спален,
Кто мгновенно, кто в пожаре
Всю измучает кровать.
Просто люди забывают,
За дверями закрываясь,
Неоткрытую тетрадь.
Просто лампа им дороже
Распоясанного солнца,
А ведь каждый больше сможет
Со стремлением создать.
Просто люди умирают,
Опустив с глазами память,
От избытка застывают
На окошке холода.

От ключника до цвета,
От сердца до удара,
Играет день на солнце
Осколочком стекла.
А ты проснёшься летом,
Пред ухом скрутишь пальцем,
Когда взорвётся небо
У правды на устах.
А ты в одно мгновение
Забудешь то, что было,
Сожмёшь руками звёзды,
Закроешь и луну.
И я тогда из пепла
Возьму кривые силы,
Размажу по одежде
И подойду к окну.
И я скажу: нет боли.
И ты ответишь сразу,
Что был неосторожен,
Переходя черту.
И больше не с тобою,
А дальше только праздник
Доверчивой свободы,
Надежды светлой труп.
Я развернул наряды.
Бумага, жарко, спицы.
И, кажется, не надо
Дышать с дождём в трубу.
Но только счастье гадом
Из дома поструиться
И я опять, как новый,
В движенье ухожу.

От звезды до воскресенья
Тебя пилит, пилит время,
А пока ты не беремен
Счастьем, жизнь не зацветёт.
Когда стужи, грязь да лужи,
Ты другим уже не нужен,
Лепят, цепят, мерят, глушат,
Будто ты себе не бог.
Поцелуют и ужалят,
Как в неистовом пожаре.
Ты кричишь, что всё достало,
Поцелуют в лоб в ответ.
Деревянным, деревянным
Мир стоит столбом упрямым
У любви, друзей и мамы
И смеётся в душу смерть.
Человек, взгляни, послушай,
Человек ты иль игрушка,
Знаешь сам, что будет лучше,
От чего не заскучать.
Научись работать силой
До безумия красивой,
Чтобы боль не позабыла
Лени чопорная стать.
Разродится и устать.

Я сломлен, быть тебе звездой
Остачертело хуже друга.
Изжалил небо боли рой,
Осыпавшись воды порукой.
В тиши ночей июльских глаз,
В разлуке громкой, как проклятье,
Я пил мечту, она ж в меня
Вселяла старости ненастье.
Один- звучит, как приговор,
Нет бед, но ненавидит счастье.
Я так люблю, и наказание вот
Стучит в окно знакомым взглядом,
Что разрывает небеса.

Июльская ночь.

Тащила в июльском угаре
На небо силком облака
Ночь тёплая, свежая, в раме
Порой удивляла себя.
То солнце зальёт между сосен,
Забудет его погасить,
То станет настырным вопросом
По крышам водою давить.
Ещё приговаривать блеском
С раскатами грома гроза,
То в крике напуганных деток
Деревья в окне шевелить.
Нашепчет секреты на ушко,
Заглянет в назначенный сон,
Ложась между перьев в подушку,
Скрываясь от тех, кто влюблён
В неё шаловливую, добрую,
Кто лучший не в силах решить,
Она исчезает надолго,
Чтоб вновь были силы тащить.

Уходи, тоска, я счастлив,
Что живу без сожалений.
Уходи, любовь, я в маске,
Разукрашенной под время.
Не гони, живот, я - дома
И теперь не уничтожить
Озадаченного слова
Сине-красную полосу.
Развались, душа, на силе
Выбирать свою дорогу,
Рассказать, что всё же жили,
А не грелись на подмостках.
Наплети мне небо цвета,
Чтобы сердце не скучало,
Разорви чего здесь нету
И налей немного ласки.
Всем раздал свои наказы,
Разработал теоремы.
Только пуганое время
Утекало как зараза.

А я один в твоей печали
Купаюсь томными речами.
Храним неискренне молчанье
Иль о безумстве говорим.
Быть может, не о многом знаю
Под взглядом неужённо таю.
Ах, что же будет завтра с нами
А что с желаньем натворим
А я в твоей печали маюсь
Уж лучше бы вдвойне кричали
Ну что тебе, жестокой, надо
Какой ещё больной любви
И я порочно утопаю
Вода от боли замирает
И этот танец, этот танец
Закончит медленную жизнь.

Опиши мне другую, прости
Чтобы знал, чтобы знал, чтобы знал
Как тебя, золотую, любить,
Чтоб никто и вовек не украл.
Нарисуй мне живую мечту
Я скажу, что ты краше её
Понимаешь, об этом не врут
А в груди неустанно цветёт
Твоя жизнь, оплетая часы
Моя жизнь вместе с девушкой грёз
А на утро опять этот мир
Молодой нас с тобою несёт.
Назови мне других имена,
А твоё мне дороже их всех
Двести нот говорит мне душа
Двести звёзд - половодье небес.

Ночная.

Ты спишь, и мне уж надо
Давно почить на белых снах,
Но чувств обрушившихся радость
Мне не даёт валяться там.
Под звон речей, под грохот взгляда
Шагаю от лица к лицу,
И заглушить парад нет яда,
И я опять бреду в бреду.
Нарочно свет стучит в обои,
Луна от звёзд сошла с ума,
Сирены под окошком воют
И где-то рядом бдит кошмар.
А я на пятом обороте,
Постель понура, горяча,
А мозг макает и разводит
Большие игры да печаль.

Разрешите наступать
На желание сдаваться,
Век на пристани стоять
И ни раз не искупаться.
Разрешите наплевать
На чужие идеалы,
Мне своих не расхлебать,
А чужих всегда немало.
Разрешите уповать
На судьбу, порой не нашу,
Чтоб покоем запивать
Горя рисовую кашу.
Разрешите мне пожить,
Я так мало трогал время.
На бумагу мысли лить,
Не срывая разрешенья.
Разрешите дорожить.

Забито сердца стуком безжалостное горло,
Что рвётся от смятенья в зелёные улыбки,
Того глядишь, взорвётся и народит ошибки,
Которые не в курсе, что значит слово "много".
Борьба ж живёт для цели, бежит в дыму по рельсам,
Кричит, поёт, ликует да чувствует под корень.
Так море создаётся прекрасного вниманья,
Что оглушает небо и то ревёт от песни.
Борьба - любви признание, серьёзное признание,
Что вовсе не лепечет в красивые минуты,
А расправляет крылья, как наважденье, будто
Неоновый, парящий с волненьем духа ангел,
Что ярко умирает замученный свободой.

А я тебя без устали люблю.
А мне, что вместе, что в разлуке,
За всё тебя одну благодарю,
Целую слов твоих пронзительные звуки.
А я тебя под небо подниму,
И облака растают от смущенья,
Цветами и словами одарю,
На что не жаль ни времени, ни денег.
А я тебя под сердцем сохраню,
Чтоб светлое осталось вдохновенье.
И я тебе ещё раз повторю,
Что я тебя люблю без пробужденья.

Пятнистая луна опять в ажуре
Глокает небо тёмное от грёз.
Мои родные, вроде бы, заснули,
Но от меня падением уходит сон.
Храпит добро под мокрым одеялом
И зло, ворочаясь, под себя ворчит.
А мне всё мало, мало, мало, мало...
Сижу в темничной роскоши один,
Веду спокойный шаткий разговор
Вновь о себе, о том, что пляшет, режет,
Колотит, удивляет, нежит
И просится войти в открытый дом.
Черна звезда, некрепкие могилы
В мрак источают песней голоса.
Я ль говорю о том, что было, было,
Моя ль взойдёт жестокая звезда?
Но полно, полно, жить для вопрошенья,
Метаться в крайности. Искать свою мечту,
Счастливым быть приятно на мгновенье,
Черпать свободой мыслей многоту.
Я тишиной готов наполнить уши мира,
Лишь в ней рождаются великие слова.
Давно пора забыть про справедливость,
Чтоб не болела вечно голова.
И тело тяжелеет от досуга.
Что значат думы, если не нашли времён
Ворваться с вдохновеньем в душу
И расплескаться золотым огнём?!

А пусть не поэт, а пишущий стихи
И то смешно, невнятно, не по форме
Но мне, как в жизни, мне важнее смысл
И причитанья скользких двоеточий.
Пусть ранят моё любие к себе
Два цензора неистовым укором,
Но всё-таки их счастье в словаре,
Моё ж живёт волной в открытом море.
И кто-то скажет: верь в себя, пиши.
Я не найду на это возраженья
Идёт, как время, славный сердцу стих,
Несущий за спиной мешок мучений.

Два чувства верой обросли:
Любовь желает быть горда
И потому не говорит,
Что новый сон и есть судьба.
А дружба вдохновенья ждёт
От правды, брошенной на свет,
Но как бы на сердце родной
Злодей не положил бы смех.
Пусть чувства верой обросли.
В разлуке летней гаснет день.
Клянётся дружба, что любви
Она заведомо важней.
Любовь же, очи опустив,
Всё продолжает умирать,
С собой захватывая жизнь
И ей саму себя даря.
Но всё же верит, что придёт
Реаниматор, что рукой
Сомненья с голоса сорвёт
И успокоит песней ночь.
Два чувства верой обросли,
Друг друга бережно храня.
А вслед за летом - тоже жизнь,
Ну, а за жизнью - вновь зима.

Вертихвостая искра
Проскочила, угодила
В островок сухой травы
Припорошенный листвой,
Зауральские ветра,
Сочетанье солнца с дымом,
Средь растерзанной зимы
Разожгли зимой огонь.
Тот огонь пылал, пленённый
Красотою солнца; звёзд
Сверкающая россыпь
Вниз смотрела на него.
Мать, холодная земля,
По ночам его будила
И кормила темнотой,
Чтоб стремленье к солнцу было
Постоянным, ветра вой
Днём никак не прерывался,
Рос пожар тот по часам,
С облаками обнимался,
От осадков не угас.
К солнцу нежно прикоснулся...
Дальше мне не угадать,
Стал огонь ли солнцу нужен
Или стёрло взглядом мать.
Так любовь толи согреет,
Толи больно обожжёт,
Открывает в сердце двери,
Чтоб впустить иль выгнать вон.
До чего ж она опасна?
До того, что не сказать,

Вновь о ней, когда всё ясно,
Чтоб безумье продолжать.

Тишина сверкнула мечом
И рассыпались бусины крови
Вошла она
И творенье любви
Застыло в ране порочным огнём
Вошла она
И забилося проклятье
Вошла она
И взлетела душа
Ах, до чего же краса хороша
Друзей теряя, находим обман!

Чтоб знала ты, как я люблю
Тебя, прекрасную и грешную,
Я солнца шар тебе приподнесу
И слов своих доверчивых и нежных.
Пусть где-то птицы бьются о песок
И бег дорог проносится строкою.
Проснётся грусть - я подарю цветок,
Который дом наполнит теплотою.
Мне всё равно, что вовсе не одна,
Окружена неистойвой толпою.
Я понимаю, что моя звезда-
Безумная, пропитана любовью.
Одна под страстью роковой
Сложила меч на парашюте веры.
Кто скажет «жди», а кто кричит «постой»
И снова мне от жизни не до дела.
И я иду по камням босиком,
И ноги от похода затвердели,
Но всё ещё стучит упрямый ком
По клетке розовой капелью.

Ты со мной унесённая, нежная,
Ты со мной уязвлённая, грешная.
Так скажи мне, скажи мне, пожалуйста,
Почему я лишь день для тебя.
Потихоньку, по-мудрому, ласкою
Ты питаешься славными сказками,
Понемногу о небо пугаешься,
Но уходишь за счастьем одна.
Знаешь много, волнуешь печалием,
Наступаешь на тени отчаянно,
И играешь, играешь с терпением,
Что уже ненавидит восход.
Как же так, как же так получается,
Что не с тем и не то вдруг случается,
Кто-то любит с рожденья безвременно,
А кого никогда не возьмёт...

Вот она, полоснула свобода
Белокрыльно по скучной любви
И дождём разноцветные ноты
На мои небоскрёбы сошли.
Вот она, без обиды и плена,
Как всегда, молода и горда,
Сладкой ватой чужая измена
И уж точно никак не моя.
Светлым сердцем и чистой водою
Дарит счастье без тайных проблем
И звучит громогласно строкою
Пожирневших артерий и вен.
Вот она, непорочная, добрая,
Смелым голубем рвётся в окно.
Вот она, озорная, непрочная.
Вот и я, за секунду не тот.

.

Так проще, не любить
С лица стереть желанье
Быть рядом и внутри
Питать живой водой
Так лучше- отойти
Подальше от страданий
И вдалеке скучать
Житейской добротой
Я знаю, места нет
В тебе для сожалений
Спасибо говорю
За это я тебе
Ты, ангел мой, но всё ж
Не властна над сравнением
Счастливым в мыслях быть
Иль проданным судьбе.

Непонятые.
Вас не просто нет-
Вы не поняты.
Вы - красивый цвет
Зимней ночью.
Вы сказали всё-
Только выжжен звук.
В кабаках времён
Бродят стаи мух.
Поучали вас,
Разорвав кулак,
Разрешили жить,
Но сказали как.
Неизвестный день,
Тень давно бела
Вашей высоты,
Вашего тепла.

Осенний город.

Облезлый город в осень влип.
Салютом - резаные листья.
Облезлый город - проводник
Из мира Я в страну таких же.
Облезлый город - не старик,
А молодой и дерзкой крови.
Облезлый город - мятый стих.
Конфеты вкусной фантик новый.
Облезлый город на руках
Качал реки живое русло.
Облезлый город - смерти страх
И лиц к тебе болезненное чувство.
Облезлый город духом чист,
Чего не скажешь о дорогах.
Облезлый город не забыл
Из человека выжать соки.
Облезлый город прочитал
В моих глазах немного боли.
От остановки до моста.
От одолженья до любви.

Подобрали листву у берёз, из-под ног,
Опустела земля молодая.
Снова лес от прощанья с жарой не сберёт.
В бабьем лете один пропадаю.
Жуткой осени дорог печальный убор
И готовится сердце к метелям.
Даже с солнцем крадёт с вожделением вор,
Я несу небылые потери.
Кто-то быстро всплакнёт, ну а я, как дурак,
Сохраню отравлённое золото.
Стих всё выжег, страшнейший пожар
Лишь не тронул из терна ограду.
Эта осень хрустит у меня на зубах.
Жёлтый ветер уносит отрывки.
Кто-то стрелки свернёт полным кругом на час.
Ну а мне не свернуть с этих мыслей.

Гадай - не гадай по ромашке,
Не любит и ждать не велит,
К полянам открытого счастья
Мне доступ на время закрыт.
Гадай - не гадай, сердце чует
Одно направленье, ведёт
В одну разъярённую бурю
И сносит в один поворот.
Гадай - не гадай, кто-то снова
В окошко заглянет лучом,
И с треском утащит свободу,
И крышу кривую сорвёт...
Гадай - не гадай, будет солнце
Блестеть в одиноких глазах.
И счастье - в чудесную россыпь,
Гадай по руке - не гадай.

Год Собаки.

Сильное близится, чёрное дурится.
Хочешь увидится прямо на улице.
Нет, и не выйдет, сидеть и разбиться.
Жизнь не докурена, страшно, не спиться.
И облако тоже, предатель, тоскует
Плавной мазнёю небо волнует.
Странно, не злюсь, и не плачется матом.
Я к тебе чувством старшего брата...
Вновь обращаюсь по имени отчеству-
Ваше Величество, ваше Высочество
Только и спрятался, что в уважении.
Ложкой по сердцу прошу разрешения.
Сдержанно, брызгами быстро
Со лба разливаюсь
И получаю, и получаю
Новые взгляды, в конверт собираю
И как подарок с волнением вручаю.
Мне не нужны эти чёрствые, поздние,
Лёгкие, плоские и несвободные.
Нате, мадам, я устал закругляться.
Темечком в душу, устал признаваться.
Теперь я плюю, паршивый и лучший,
Чёрный от света, облезлый и скучный.
Порчусь быстрее, чем мягкие дыни.
Хватит, слежался хранение лишне.
Лейте свиданья, рвите погоду,
Нате возницу жеманной свободы.
Вам щас она, ой, как пригодится,
Бывшей голубке, теперь же синице.
Верится, теплится, но не по части

Вашей измены и горного счастья
Сильное близится, чёрное дурится
Синяя сука и белая курица.

Хрустальных спален блеск глотая,
Взывая к ангелу любви,
Я моросил, не понимая,
Куда прольют мои дожди.
Двадцатый рейс - не шутка, братец,
Не вознесение, сестра.
Во что укажет перстом палец
Всем нам бы знать уже пора.
Двадцатый рейс - читай движенье,
В нём вся надежда и огонь.
Двадцатый рейс - на пораженье,
Улыбкой детской сносит с ног.
Я б рассказал, как всё приелось.
Ан нет, не всё, и тем живёшь.
Глаза прекрасные за смелость
И губ таинственный цветок.
Катись дорога, ждите сэры,
Подножкой власти не собьёшь.
Ласкают дух огней премьеры
И сердцу слышится "вперёд".
Напрасно мне читать заветы,
Я знаю книги наизусть,
Но мне скучны советы эти,
А жизнь не умножает грусть.
Двадцатый рейс бежит и время
Ему не в силах помешать.
Как много времени для чести
В пути себя не потерять.

Это синие реки дождя без воды.
Этот город ушедший под землю.
Это мягкое в спину с улыбкою «ты».
Это сладкое чувство «не верю».
Для меня все устали, и жизнь, как комок,
Где-то в горле растёт и дубеет,
Я бы кажется в миг проглотить его смог,
Если б сердце, тревожное сердце,
Не боялось уйти в затаённую близь
Из горячих песков и утёсов,
Неглубоких озёр, диковинных птиц,
Тёмных баек у нежного моря.
Этот мир где-то рядом со мною лежит.
Только прыгнуть в коричневый поезд
И приехать к тебе, непривычная жизнь,
С преогромным таким вот поклоном.
Сколотить на опушке деревянный шалаш
И гамак между сосен повесить,
Пить чай из растущих под ботами трав
Молодого и древнего леса.
Каждый день по полянам и горам гулять,
Сочинять развесёлые песни,
Наловить в полчаса на худышку-червя
Два ведра камбалы и форели.
Развалится с утра голышом на песке,
Прогревая ленивое тело,
А потом окунуться в прохладной волне
Золотисто-искристого лета.
Не один я хочу в этом свете тонуть,
А конечно, с любимую рядом,
Вместе с нею за грани рассвета шагнуть,
Вместе с нею впиваться в закаты.

Насладится хочу, так не терпит душа,
Этим миром дыхания жизни,
Только милые что-то не видят глаза
И любимая мне не любима.
Расскажите мне, люди, о ком этот свист
Вьюги чёрной в крещенские ночи.
Предо мною стоит, как во сне, белый лист
И не пишется больше о прочем.
Где-то в светлой коробке родная живёт
И гадает на принца по пеплу,
А бумага не тает, огонь не берёт,
И уже два часа до рассвета.
Вот такая борьба между летом и сном.
И на всё вновь глаза закрываешь.
Я хочу быть победой, по паспорту – бог.
И уже ничего не скрываю
Распоясана боль и, чего говорить,
Сеет резкое семя потери.
А возьму и уйду, а любить так любить.
Это странное слово «жалели».

Керосиновая лампа-
Комикс века девятнадцать,
Где желали предаваться,
Поддаваться, предавать.
Керосиновая лампа,
Горе-запахи нирваны,
Эполеты и пижамы,
И смешные колпаки.
Цоколь, свет, ночь, Питер, лампа
Вся в царапинах бумага
Чёрным пишут, разливают,
Кляксы, руки, "сэ ля ви".
Керосиновая лампа.
Кто-то дремлет в ванне странно.
Эх, служивый, дочитались
Полусладеньким вином.
Тень сидит, ногой качает
И в камин дрова швыряет.
Нет ни лампы, ни спасенья
Маринованной душе.

Заводят лампы и часы
Столбы электротока.
Сосна, керамика, бетон
Сошлись в одной судьбе.
Вы, верно, тонкие кресты
У паперти дороги,
Опоры тощие мостов
Под волоком небес.
Куда уходите, за что
Ссылают вас отсюда,
И почему на вас одни
Бумагу клеем шьют,
Другие (дети - всё им бог)
С вас делают ворота,
А третьи с коготками
На вас проводку мнут.
Стоять пока не свалит ветер
Иль время не взлохматит!
Стоять, служба постом
Меж светом и теплом!
Мои тяжёлые столбы,
Постойте, сколько хватит.
Мои дешёвые кресты.
Ваш бог- электроток.

Это – конец - зачёркнутость мыслей.
Тёплой строкою по горлу свобода.
Были вдвоём, однолицыми были,
Ну а теперь боль забрызгана модой,
Не оторваться от громкого эха
Неблагодарной тоски сожаленья.
Знай, мы убили друг друга ответом
На перегоне движения к цели.
Тусклые фотки, горячие ноты.
Тоже неплохо для сотого раза.
Не в равновесье любовь и охота.
Ниже и ниже цепочкою стразы
От края глаза спустились на лифте.
Странно, никто не спасал и не спасься.
Пропасть становится всё шире и шире.
Время вкушается всё слаще и слаще.
Это-конец.